

От такой лести Ректор Линь и бровью не повел, да и Ван Чжэнь остался совершенно невозмутим — словно все так и должно быть! Тан Шэнь, наблюдавший за ними со стороны, мысленно наматывал себе на ус. Затем он бесшумно подошел к столу, взял брусок туши и принялся растирать ее.

Написав пару строк, Ван Чжэнь собрался снова обмакнуть кисть и заметил, что Тан Шэнь растирает для него тушь. Он поднял глаза на юношу; тот сосредоточенно следил за тем, как ложатся иероглифы. Ван Чжэнь отвел взгляд, обмакнул кисть и продолжил писать. Вскоре рекомендательное письмо было готово. Дождавшись, пока просохнет тушь, он передал его Ректору Линь.

Ректор Линь произнес:

— Вот и славно. Что касается учебного дела, ваш покорный слуга все понял. Но поскольку управа на сегодня уже закрыта, я займусь переводом личного дела молодого господина Тана завтра утром.

Ван Чжэнь вдруг заметил:

— На перевод дела из управы Цзиньлин туда и обратно уйдет никак не меньше месяца.

Ректор Линь опешил. Немного подумав, он спросил:

— Что имеет в виду Ван Цюань?..

Ван Чжэнь на мгновение замолчал, вертя в руках белый веер и мягко поглаживая пальцами его костяные пластины.

— Академия экзаменов Цзяннань — не логово свирепых чудовищ, охрана там не столь уж сурова. Каждый год там теряется парочка личных дел учащихся, которые потом просто восстанавливают. Порой кажется, что потеряли, а на деле они находятся, и на самих кандидатах это никак не сказывается. Академия Гоцзыцзянь — это священная обитель, где Великая Сун возвращает опору государства. Ее долг — печься об учебе и успехах воспитанников, а тратить силы и средства на бумажную волокиту — чистой воды упущение со стороны чиновничьего аппарата нашей династии.

Ректор Линь внезапно все понял:

— Завтра же личное дело молодого господина Тана будет в Академии Гоцзыцзянь.

Ван Чжэнь с улыбкой произнес:

— Мы с младшим соучеником пойдем. Господин Линь, не утруждайте себя проводами.

Ректор Линь ответил:

— Счастливого пути, Ван Цюань!

Ван Чжэнь и Тан Шэнь вместе покинули Академию Гоцзыцзянь.

Ван Чжэнь спросил:

— Как давно ты приехал в Шэнцзин? Нашел ли где остановиться?

Тан Шэнь еще не пришел в себя после их разговора и лишь спустя некоторое время ответил:

— Да, я устроился совсем рядом с Академией Гоцзыцзянь.

Ван Чжэнь приподнял бровь:

— Чтобы удобнее было ходить на занятия каждый день?

— Да.

Ван Чжэнь предложил:

— Раз так, я тебя подвезу.

Они снова сели в паланкин, и Ван Чжэнь довез Тан Шэня до входа в переулок. Тан Шэнь вышел. Ван Чжэнь приоткрыл занавеску белым веером и негромко произнес:

— Весенние дни медленно тянутся, пышно цветут деревья и травы...

Тан Шэнь не успел толком сообразить, но его феноменальная память сработала быстрее разума, и он машинально продолжил строфу:

— Иволги звонко поют, дикую полынь собирают толпами?

Строка «дикую полынь собирают толпами» взята из «Ши цзин».

И название «Лавка Цайцичжай» произошло именно от этой фразы.

Ван Чжэнь с улыбкой сказал:

— Младшему соученику не стоит морить себя голодом.

Тан Шэнь потерял дар речи.

Оказывается, тот напоминал ему не забыть узелок с айвово!

Тан Шэнь крепче перехватил сверток с белоснежными айвово:

— Хорошо.

Занавеска опустилась, и изнутри раздался приятный голос Ван Чжэня:

— Назад, в Резиденцию министра.

Вскоре паланкин скрылся за углом.

Тан Шэнь прижал к себе сверток с колобками айвово и провожал взглядом два чиновничьих фонаря с надписью «Резиденция министра», пока они не исчезли вдаль. Только тогда он облегченно вздохнул. Рядом больше не было Ван Чжэня, так что Тан Шэнь мгновенно забыл о благопристойном правиле «не вкушать пищу вне трапезной». Возвращаясь домой, он на ходу развернул сверток и принялся уплетать угощение.

— О, а ведь и правда вкусно! — Он незаметно для себя съел еще пару штук.

Наевшись, Тан Шэнь размышлял обо всем, что произошло сегодня в Академии Гоцзыцзянь. Он

со вздохом произнес:

— Эх, Тан Цзинцзэ, вот она какая — чиновничья среда!

Когда он вернулся домой, Яо Сань уже нагрел для него воду, и Тан Шэнь сразу же залез в ванну.

Даже попав в древние времена, Тан Шэнь сохранил любовь к горячим ваннам. Прежде, в деревне Чжаоцзя, условий для этого не было — семья едва сводила концы с концами, какая уж тут ванна. Но когда они перебрались в управу Гусу и жизнь наладилась, Тан Шэнь с удовольствием вернулся к привычке из прошлой жизни. Оперевшись руками о бортики бадьи, он закрыл глаза и расслабился.

Вдруг Тан Шэнь резко открыл глаза и ошеломленно пробормотал:

— Постойте, а откуда он узнал, что мое второе имя — Цзинцзэ?

Чуть погодя его осенило:

— И вообще, откуда ему известно, что в управе Гусу я сдал начальный экзамен на «малое тройное первенство»? Господин Лян написал ему и господину Фу в письме, или он сам давно разузнал обо мне всю подноготную?

Тан Шэнь лишился слов.

«Что же ты за человек такой, старший соученик?»

Несмотря на эти мысленные вздохи, Тан Шэнь твердо решил: отныне при встречах с Ван Цзыфэном нужно держать ухо востро и проявлять предельную осторожность.

На следующий день, придя в Академию Гоцзыцзянь, Тан Шэнь обнаружил, что его действительно приняли в ряды воспитанников, а документы уже благополучно «переведены». Три дня назад праздновалось восьмидесятилетие Вдовствующей императрицы, поэтому Академия Гоцзыцзянь закрылась на полумесячные каникулы, и занятий у студентов не было. Получив ежемесячное пособие на масло для ламп и форму учащегося, Тан Шэнь вернулся домой.

С тех пор как они прибыли в Шэнцзин, Тан Шэнь и Яо Сань без устали трудились целых три дня. Теперь же, когда выдалось свободное время, они отправились побродить по просторному городу Шэнцзин.

Шэнцзин воистину оправдывал звание столицы Великой Сун.

Управа Гусу выгодно располагалась у Великого канала и служила главным транспортным узлом Цзяннани, благодаря чему долгие годы процветала. Но Шэнцзин был устроен иначе. Здесь повсюду сновали иноземцы и выходцы из Государства Ляо, которых в управе Гусу почти не встречали. Они мало чем отличались от простых горожан — разве что одеждой, — и точно так же сидели в столичных лавках, обедая и попивая чай.

Перед тем как отправиться в управу Гусу, Яо Сань когда-то говорил Счетоводу Линю: «Пусть город Шэнцзин и хорош, но наша управа Гусу ничем не хуже». Однако теперь, увидев столицу своими глазами, Яо Сань приуныл и обратился к Тан Шэню:

— Молодой хозяин, раньше я думал, что раз наше дело процветает в управе Гусу, то и в Шэнцзине все обязательно получится. Но теперь я вижу, насколько огромен этот город. Боюсь, здесь у нас ничего не выйдет.

Тан Шэнь ответил:

— Твои опасения не лишены смысла.

Яо Сань спросил:

— Неужели нет никакого выхода?

Простое мыло, туалетное мыло и эфирное масло — товары первой необходимости и предметы роскоши — без сомнения, пользовались бы в Шэнцзине огромным спросом. Вот только здесь не было семьи Тан, да и Лян Сун не мог протянуть Тан Шэню руку помощи. В городе Шэнцзин упавшая вывеска могла зашибить сразу пятерых столичных чиновников! Открыть лавку и распродать товар Тан Шэню не составило бы труда, но как только дело пойдет в гору, найдутся завистники, и уберечь прибыльное дело окажется почти невозможно.

Обратиться за поддержкой к Фу Вэю или Ван Чжэню было бы отличным выходом, однако Тан Шэня связывали с ними лишь узы наставничества и ученичества. Как говорится, дружба дружбой, а денежки врозь. Они не были кровной родней, а выгода от мыльного промысла крутилась баснословная, так что договориться с ними можно было только на условиях полноценного партнерства.

Что же касается транспортного бизнеса, о нем и вовсе не стоило думать.

В управе Гусу проживало чуть больше ста тысяч человек, а в городе Шэнцзин? Свыше миллиона!

Для развертывания здесь транспортного дела требовались такие колоссальные вложения, какими нынешний Тан Шэнь попросту не располагал.

И все же...

— Брат Яо, а ведь мы вполне могли бы взяться за Посягун!

Яо Сань изумился:

— Но молодой хозяин, наш Терем Сися преуспел в управе Гусу лишь потому, что работники Транспортной компании Тан ежедневно доставляли туда свежайшие продукты. В Шэнцзине же у нас нет никаких курьеров.

— Зато Шэнцзин граничит на севере с Государством Ляо.

— А?

Тан Шэнь приподнял уголки губ и загадочно улыбнулся:

— Те, кто по-настоящему любит горячий котелок с бараниной — вовсе не жители Цзяннани, а обитатели Шэнцзиня!

Только попав в Шэнцзин, понимаешь, что такое настоящий пекинский хого с бараниной!

В Шэнцзине невозможно наладить сверхбыструю доставку свежей зелени и мяса, как это было в управе Гусу. Однако в столице никогда не было дефицита баранины и свинины: прямо к северу раскинулись бескрайние степи Государства Ляо. Ветер колышет траву, обнажая стада овец и быков. В управе Гусу говядину днем с огнем не сыщешь, а в Шэнцзине ее едят всю!

Тан Шэнь продолжил:

— Брат Яо, завтра мы отправимся на биржу маклеров и купим несколько слуг. Снимем для них отдельный просторный двор. А когда ты вернешься в управу Гусу, найди Управляющего Лу из Терема Сися и отправь его ко мне в Шэнцзин.

— Хорошо. Молодой хозяин, вы планируете открыть здесь Терем Сися?

Тан Шэнь подтвердил:

— Именно!

Глаза Яо Саня радостно блеснули:

— Тогда я приеду вместе с Управляющим Лу, буду помогать вам в Шэнцзине!

Тан Шэнь покачал головой:

— Тебе приезжать не нужно.

— Но почему?

— Разве я говорил, что собираюсь открывать дело прямо сейчас? До Осеннего экзамена осталось всего пять месяцев. Брат Яо, я все еще надеюсь получить ученую степень. Не рассчитываю стать Цзеюанем, но и плестись в хвосте мне никак нельзя. Иначе я опозорю и господина Фу, и моего старшего соученика Ван Чжэня!

Спустя три дня Яо Сань сел на лодку и отправился на юг, обратно в управу Гусу.

В Академии Гоцзыцзянь занятия еще не начались, поэтому Тан Шэнь безвылазно сидел дома, не щадя себя, буквально готовый привязать волосы к балке и колоть бедро шилом, лишь бы не уснуть за книгами.

Фу Вэй занимал пост главы Академии Ханьлинь и был великим ученым, известным на всю Поднебесную, одним из четырех великих мужей своего времени. Однако за последние годы он привык к праздности: с тех пор как восемь лет назад Ван Чжэнь сдал экзамен на звание чжуаньюаня, Фу Вэй больше никого не обучал и растерял весь педагогический опыт. Проведя полмесяца за поливом цветов и забавами с певчими птицами, Фу Вэй внезапно спохватился: «Полноте, а куда же подевался мой новый ученик Тан Цзинцзэ?»